

18+

Вячеслав Киктенко

**Грустный
перечень
моих убийств**

Вячеслав Киктенко

Грустный перечень моих убийств

«Издательские решения»

Киктенко В. В.

Грустный перечень моих убийств / В. В. Киктенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513784-5

Три рассказа или три небольшие лирические повести входят в эту книгу. О самых первых, детских страстях и треволнениях. Потом о подростковых, нешуточных уже страстях. А потом и о туманной поре юности. Чувство счастья и одновременно раскаяния перемежаются в этой книге, составляя, может быть, главную её суть.

ISBN 978-5-00-513784-5

© Киктенко В. В.
© Издательские решения

Содержание

Вячеслав Киктенко	6
Моё первое убийство	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Грустный перечень моих убийств

Вячеслав Вячеславович Киктенко

© Вячеслав Вячеславович Киктенко, 2020

ISBN 978-5-0051-3784-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Вячеслав Киктенко

СОДЕРЖАНИЕ сборника рассказов или маленьких повестей под общим названием «ГРУСТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ МОИХ УБИЙСТВ». Детство. Отрочество. Юность:

- «МОЁ ПЕРВОЕ УБИЙСТВО»
- «ДЕРЕВО Я ЛЮБИЛ»
- «У НИХ ПОЯВИЛИСЬ ТАЙНЫ...»

Моё первое убийство

...там, в глубине каменных пещер-коммуналок, на площадках вершилось священнодействие – свистели на разные голоса, пылали дивными цветами золотые кухонные идолы, раз и навсегда утверждённые на изогнутых чёрных треногах в очерченных мелом квадратах – разъярённые примуса. Даже заходить туда было страшновато, в эти сырые подъезды с расколотыми ступеньками, с громадными, мерцающими из тёмных углов котами...

Запахи пелёнок, развешенных на перилах, опрелость суконной ветоши, брошенной у дверей вместо ковриков, мешались с запахами еды, керосина. Ступить на площадку было небезопасно. Там готовилась – Еда! Запросто можно попасть под горячую руку хозяек, шаманящих над кастрюлями. Военная голодуха ещё сидела в людях – еда священна, как и место её приготовления.

Примостившись на каменных ступеньках у шатучих перил, я мог сидеть здесь часами. Манил сюда не чужой кусок, своего хватало. Манило зрелище сверкающих огней, блеска и свиста туго накачиваемых примусов. Забыв обо всём, смотрел я как огонь, рвущийся из конфорки, страстно впивается в днище кастрюли, поначалу стоически молчащей, но постепенно начинающей жалобно роптать, возмущаться и, наконец, закипать. Это было зрелище первого порядка!

Хотя были и другие, достойные внимания. Взять хотя бы этого – «Точуножино-о-жницы» – регулярно навещавшего наш двор, как и окрестные.

На ритуальный зазыв высыпали из подъездов дети, взрослые, домохозяйки – кто с чем, колюще-режущих в избытке. Любо-дорого посмотреть, как налегал плечом, всем корпусом раскачивал точильщик педалями и приводными ремнями свою чудо-машину с вылетающими из-под шершавых кругов снопами то беленьких, тонко-жалящих, то пышно-оранжевых искр.

Вот они опять схлестнулись в единоборстве с металлом, и опять – как всегда – одолевают! Но точильщик, бесстрастный демиург, ловко поворачивает лезвие, и вот уже укладывает его на новый, более щадящий круг. Но и тот хищно нападает на металл, подбедая тончайший слой стальной кожицы.

Металл раскален и сильно шипит, когда точильщик окунает в воду. А вот теперь можно и продемонстрировать качество, блеск, «пробуя» лезвие на своём пожелтевшем ногте, виртуозным движением сняв с него почти волосаную спиральку. И только потом вручается владельцу неузнаваемые, «новенькие», ножи, ножницы, топоры...

Закончив работу, точильщик ослабляет ремни, укладывает защитные очки в суконную блузу и, закинув станок на плечи, уплывает в серенький денёк. И голос его всё дальше, глуше доносится из соседних дворов:
«Точуножино-о-жницы-и...»

Ярче всех вспыхивал цыганский десант.

Цыганки-гадалки тогда еще не гнушались любого подаяния – куска хлеба, ношенных галош, сандалет, всегда деликатно обёрнутых в газету, – подаяние не должно унижать.

А чаще это было как раз подаяние, услугами ясновидящих тогда мало кто пользовался. Но уж если пользовался, посмотреть было на что!

Ловко подоткнув бесчисленные юбки-парашюты, прорицательница усаживалась за столик в дворовой беседке и ловкой рукой раскидывала колоду карт, которые под её «всевидящим» взглядом становились не картами – вестниками судьбы.

– Ты мне сказку, сказку давай! – как бы упреждала решившаяся на гадание конформистка, похитительница предстоящего.

И она её получала, добротную (с учетом очевидной реальности) сказку, участливо рассказанную нараспев...

И совсем уж немыслима была жизнь без регулярных визитов старьевщика.

Пожилой солидный татарин с неизменной крючковой палкой он, допущенный к ящикам бельевого комода, орудовал очень ловко, быстро сортируя нужное в одну сторону, ненужное в другую.

Годное укладывал в полотняный мешок и, прищурившись, на глазок оценивал – с молчаливого согласия хозяев.

Торжественно расплачивался потертыми грошиками, которые выдавал аккуратно, не спеша, отсчитывая по одному. Уходил с достоинством, вежливо распрощавшись с хозяевами...

А один только проезд по двору великолепной ассенизаторской машины чего стоил! Машина-полуторка, с овальной цистерной вместо кузова, с рифленным хоботом-шлангом для откачивания недр деревянного нужника... о, этот торжественный проезд через двор по дорожке, усыпанной отработанным шлаком из кочегарки, медлительный взъезд на пологую горку, где возвышался наш общественный «белый дом», густо крашенный гашеной известью!

Он был восхитителен, этот трубный клокочущий агрегат, и уже один только пролог к готовящемуся представлению сопровождался ликующим свистом и криками:

– Ур-р-а! Ганавозка приехала! Айда глядеть, робя!..

Зажимая носы, мчались на пригорок и окружали машину, дожидаясь прочистки голосовых её связок и погружения хобота во тьму...

Ах бабушка, бабушка, почему у тебя не было примуса? Я знаю, керосинка не требует таких усилий и хлопот, как примус. Примус – гордая птица. А керосинка — послушная домашняя курочка, подкормил с руки, и хлопочет сама по себе, горит ровненьким огоньком, горит... и медленно закипает на ней твоя кастрюлька, и варится еда – как раз к обеду поспеет.

Отдраенная песочком добела, оловянная, совсем нестроптивая вещица. Даже чудовище-корогаз, сменивший впоследствии керосинку, мощный, гудящий, с резервуаром на отлете, с двумя конфорками, с более сложным устройством, – и тот был сподручней чем примус, я понимаю... но – Примус!..

Разве сравнить его с прокопченным корогазом? Его, восстающего из полумрака подъезда в золотых сияниях, в медных отблесках, в серебряно-синих, упругих фонтанах огня? Он был опасен, строптив. Он требовал тонкой прочистки иглой, наладки привередливой горелки с форсункой, подкручивания штуцером. Он требовал осторожного набулькивания керосина из большого бидона.

Через приставную жестяную воронку керосин еще должен точно попасть в узкую с винтовой резьбой горловину бачка, затем маслянистую ту горловину следовало

изолировать от огня, крепко-накрепко закрутив медным колпачком, тщательно отереть мягкой тряпицей лоснящиеся бока, и только тогда приступать к возжиганию.

При старых твоих глазах всё это не так уж и просто. Конечно, широкий

бачок корогаза намного сподручней. Но главное, примус надо было туго накачивать. При этом действовать аккуратно и решительно, точно шприцем, накачивать стальным насосиком с конусовидной скользкой головкой.

Поначалу-то ничего, поначалу насос мягко подымался и, смазанный, плавно входил в поршневой паз, даря радостное ощущение податливой тяжести, размеренности, лада.

Но раз за разом, в ритмичном нагнетании, давление всё растёт, примус

гудит, поухивает, в жёлтую лавину огня вплетаются голубоватые струйки... они все гуще и гуще; вот уже ровное голубое пламя темнеет, наливаясь как грозовая туча и, точно разрешаясь от бремени, прозрачневет, проясняется.

Вот уже сухие, жёсткого накала голубоватые вихри с шипением выползают на свет и вытесняют вяловатые охвостья добродушных огоньков. Это уже не струйки, это клешни – колючие, беспощадные, целенаправленные. Им надо действовать, раскалять сковородки, чайники, кастрюли. Им не до лирики.

Время – деньги, температура – страсть, предельный накал – цель!..

Но руки-то, бабушка, я ведь всё понимаю, им не под силу борьба со стихией...

Ах, какая жалость, какая жалость, бабушка!..

Не было у нас примуса.

Ну, разве можно сравнить все те дворовые представления со зрелищем, от которого я не мог оторваться, вознесённый нездешним сиянием? Откуда меня, пристывшего к ступенькам чужого подъезда возвращали на землю чьи-нибудь «хозяйские» слова:

– А ты чего тут забыл?

– Коляна жду.

– А чего ждать? Дома он.

Дома так дома. Ничего не остается, как только шмыгнуть в обитую клеенкой дверь, спотыкаясь о ящики и велосипеды общей прихожей, освещённой подслеповатой лампочкой. Попад в потёмки в Колькину клетушку, сразу не могу освоиться, жмурюсь от резко хлынувшего из окна света.

Нехитрая, стандартная по тем временам обстановка. У стены дермантиновый диван с высокой деревянной спинкой, в которую неизвестно зачем вправлено узкое прямоугольное зеркальце, давно потускневшее и потрескавшееся.

У стены, напротив, простенькая железная койка с облупившейся краской, с шариками наверху спинки. Посреди комнаты круглый деревянный стол под полосатой клеёнкой, поверх которой – лоскутная салфетка. Фанерный буфет со стопками тарелок и горками чашек в застеклённом отделении. Тяжелая кадушка с неизменным фикусом под окошком. Семейные фотографии на стене, и неприменный, вечно вещающий чёрный репродуктор. Над столом, почти задевая бахромой чайники, навис зеленый абажур...

Самого закадычного друга, Коляна, скрючившегося в неудобной позе на полу, под этим столом, не сразу и нахожу. Он занят разбором старого будильника. Из десятков колес, пружинок, втулок, натасканных отовсюду, дружок намеревался соорудить заводной автомобиль наподобие такого, как у соседского Борьки.

Борьке-то автомобиль привез отец из самой Москвы!

Автомобиль – предмет зависти двора. Еще бы! Пружинящий шнур с коробкой управления позволял ему, сверкавшему чёрным лаком «Зису», катить на мягких шинах во всех направлениях, развивать любую скорость, натываясь легированным буфером на препятствия и плавно их обходя. Шикарная микромодель правительственного лимузина.

Что говорить, мечта, а не игрушка...

И вот, Колян вообразил переплести Борькино диво, создать из обломков и всякой рухляди свое детище, которое... несмотря на все старания, никак не работало. Он таскал со свалок, из куч металлолома старые часы, граммофоны, репродукторы, но...

Всё вертящееся, добросовестно смазанное, пригнанное Колькой вроде бы по тому, заводскому образцу, наотрез отказывалось работать в новом режиме. Ничего не получалось, хоть лопни!

За этим занятием в последе время я обычно заставлял Коляна...

Но если вдруг, громыхая и дребезжа, во двор въезжала телега Китайца, мы немедленно бросали всё и бежали, на ходу собирая из зарослей полыни бутылки, загодя собранные по городским скверам. Неслись на великое торжище!

Китаец не только скупал стеклотару. С уморительным акцентом, крикливый и тщедушный, он вёл с нами торги, заключал, как теперь бы сказали, бартерные сделки!

В его деревянной телеге, запряжённой вислоухой пегой лошадкой, стоял волшебный сундучок, обитый железом, запёртый на висячий замок.

Поначалу Китаец скупал бутылки у взрослых – со скидкой в две-три копейки за сервис, им доставленный жителям дома. Сдавать стеклотару в ларёк хоть и не очень великий труд, а всё лишние хлопоты, трата времени в очереди...

А потом наступал наш час.

Ключиком, висящим на цепочке у пояса, Китаец отмыкал заветный сундучок, и начинал демонстрацию. Узкие, желтовато поблескивающие глазки на сморщенном, как печёная картошка личике, суживались ещё сильнее – это были уже две крохотные лукавые щелочки. Встряхивая короткой седенькой косичкой, он вздымал над нами поочерёдно свои драгоценности, и тут же определял их стартовую цену:

– Тири бутилька!..

– Сесь бутилька!..

– Осемь бутилька!..

Чего тут только не было! —

Расписные глиняные свистульки в виде зверушек и птиц.

Лоскутные куколки для девчонок.

Целлулоидные шарики, чем-то утяжелённые изнутри, обёрнутые фольгой и перекрещенные двумя цветными полосками. В одно из перекрестий крепилась резинка, шарик становился в руке живым, послушным существом. При лёгком покачивании вверх-вниз, постепенно достигал земли и, спружина, взмывал уже над головой – весёлый полосатый тигрёнок.

А если, вытянув руку, закружиться на месте – всё сильнее, сильнее, сильнее – шарик мог изобразить в воздухе окружность диаметром до трех, до пяти метров!..

Но самым дорогим сокровищем, стоившим не три и не восемь бутылок, а, пожалуй, целую дюжину, да и то при удачной торговле, был калейдоскоп – картонная трубка, оклеенная плотной бумагой с диковинными китайскими узорами. С обоих концов трубка была запечатана простыми стеклами, а там, между ними, таинственным образом – при малейшем повороте трубки – вершилось оптическое чудо!

Легко погромыхивали разноцветные осколки, перекатывались там, внутри, передислоцировались меж собой, но световой луч всё равно собирал их в фокус, да так, что корявые осколочки при просмотре калейдоскопа на свет сливались в новый, никогда не повторяющийся, но всегда симметрично лучащийся узор...

Одного только не было в том сундучке – игрушечного примуса.

А ведь я подозревал, что были такие!

...новость мгновенно облетела двор:

В подвал, точнее в цокольный этаж под домом, вселяют новых жильцов. Подвал этот глухим лабиринтом протянулся под всем зданием. Когда-то здесь размещались купеческие склады. Узкая лестница, чуть вбок от парадной, вела под сводчатую арку к серокаменной площадке-прихожей. Массивная деревянная дверь, обитая полосным железом, была навечно заперта кованым ржавым засовом. А уж за эту дверь никому не удавалось проникнуть. Каких только рассказней не ходило про наш подвал и его обитателей – от «Чёрной ноги» до «Синей бороды».

Гурьбою, теснясь вечерами на любимом месте дворовых посиделок – на тёплой приступке кирпичной трубы, возносившейся над котельной, над домом, над кварталом, теряясь в догадках, нафантазировавшись вдоволь, всякий раз отвергали мы старые версии и сочиняли новые, все более захватывающие. Но, что бы мы ни сочиняли, проникнуть дальше той двери не удавалось никому.

А дверь была непростая.

И теперь, издалека, непонятно, зачем были встроены в неё три толстенных круглых стекла вроде иллюминаторов, да еще и разных цветов: жёлтое, зелёное и красное?

Даже со свечкой, даже с фонариком-жучком невозможно было разглядеть сквозь эти стекла, что там, за дверью. Окна же, забранные решёткой, выступающие во двор из бетонных ниш-углублений, изнутри были плотно прикрыты фанерой.

Полнейший мрак!..

Но вот прибыла бригада, загрохотали отбойные молотки, завизжали дрели, запахло карбидом. А после и цементом, и свежей штукатуркой. Подвал стал обретать жилой вид.

По слухам, сюда въезжала семья начальника, потерпевшего крушение в суровом море, в очередной партийной тряске. Правда, не такое уж непоправимое крушение.

Просто из высокого партийного кресла перепихнули в кресло исполкомовское, но из апартаментов цековских попросили. И присмотрел бывший партбосс наш тёплый полуподвал. – Дом в хорошем районе, да и строение добротное, старой кладки.

Вскоре мы поняли кое-что ещё.

Пятитонка за пятитонкой, борта которых ломились от скарба, с утра стали поочерёдно вползать во двор. Конечно, двухкомнатным, однокомнатным нашим секциям не вместить было всех фигурных вавилонов: трофейное немецкое пианино светло-коричневого дерева с двумя бронзовыми канделябрами на шарнирах у бронзовой же подставки для нот.

Ослепительный трёхстворчатый сервант с зеркальными дверцами.

Шкафы и кровати карельской березы.

Чёрный раздвижной обеденный стол на мощных слоновьих ногах.

Стулья на гнутых ножках.

Кресло-качалка.

Телевизор-комбайн.

Вешалки...

Раскидистые олени рога...

Тумбочки...

Люстры с подвесками...

Всё это едва протискивалось в расширенный работягами дверной проём. И лишь когда исчезли в нём последние коробки с барахлом, на чёрном «Зиме» подкатили новые жильцы. Их было четверо.

Сам хозяин – лысоватый полный блондин лет пятидесяти. Кроме барственной осанки, замедленных жестов и важной походки ничего замечательного в нём я не обнаружил.

– Хорош гусь! – поглядывая вослед удаляющейся в подземелье фигуре, оценили его наши хозяйки, разом поблекнувшие в моих глазах жрицы огня. Все они, к тому же, ни в какое сравнение не входили с выплывающей из машины новой нашей соседкой.

Ещё бы! – Золотая корона волос («крашенные!» – шипели завистницы), чистый открытый лоб, тёплые карие глаза, излучавшие всепобеждающий свет. Матовой белизны кожа, полные, конечно же, не знающие поденной работы руки, лёгкий подвижный стан, плавная походка... Актриса и только!

А имя, имя-то какое – Виктория Александровна...

Да она ещё и добрая оказалась – настоящая королева! Как хорошо она поговорила с нами, с дворовой ребяtnей! – напевным, грудным голосом спросила имена и пригласила в гости на новогоднюю ёлку, выражая полнейшую уверенность в том, что мы не только

подружimsя с ней, но и будем защитниками её дочерям, двум хорошеньким, как показалось, девочкам.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что девочки не такие уж и хорошенькие. Прыщавые они были. Белесые, серенькие, тихие мышки. Одной лет шесть, другая чуть постарше. Русые косички заплетены «корзиночкой», слабоголосые, чистенькие, застенчивые девочки. Глаза, правда, были замечательные – тёплые, лучистые, как у матери. Но это и всё, что досталось им от неё.

Откуда было знать, что из таких-то гадких утёнышей вырастают подчас величавые, милые женщины и становятся с годами лучшими жёнами, матерями, что из-за них, глазастых тихонь и скромниц, насмерть бьются повзрослевшие парни?..

Ту, что постарше, звали Верой, младшую Лилией. Поскольку тощая чернявая Нелька, дочка дворничихи из соседнего двора, нам уже надоела, мы с Коляном тут же, не сговариваясь, влюбились в Лилию.

Старшая, Вера, оказалась отличной выдумщицей и болтушкой. Ох, и рассказыки она загибала на тёплой трубе летними вечерами! Не то, что наши байки про уборную-мясорубку, про пирожки с человеческими ногтями и прочие послевоенные ужасы.

Она распевала нам, понижая голос, она ворковала про солнечные королевства принцесс и принцев, про голубые сады, где пьют зелёный чай под золотую звездой, про страны вечного тепла и ясного света...

Но всё это позже, позже, в иные года. Потому что теперь стояла зима, и оставалась только неделя до Нового года, на который мы впервые в жизни были заранее приглашены. И старательно обхаживали нашу прыщавую принцессу, угождая, поддакивая. А она тихо, но неуклонно гнула свою линию, и уже командовала нами, как хотела. Впрочем, девочка была умненькая, и не просто отдавала распоряжения, а нежно и вкрадчиво подходила к нашим сердцам. Вот они уже распахнулись ей навстречу, вот мы уже готовы ко всему, вот мы уже сами страстно желаем того, о чём эта девочка лишь исподволь намекнула...

Что ни день, «принцесса» приоткрывала завесу, заставляя с ещё большим нетерпением ждать предстоящего праздника. С природной тонкостью и расчётом (чтоб хватило на каждый оставшийся денёк) она интриговала программой новогоднего Бала.

– Перво-наперво – телевизор!..

Этого мы еще не видали. Слышать слышали, в кино видели эти скруглённые по бокам ящики с пучеглазыми линзами. И вот теперь один из таких должен предстать перед нами воочью.

– Это раз. Это пока готовится стол...

- А что к столу?
- Ну, пирожные – лениво растягивала, видя наше нетерпение, девочка.
- Ну, лимонад...
- А какой? Я лично лучше всех люблю «Крем-соду»!..
- И «Крем-сода» будет, и «Дюшес», и даже «Крюшон» – многозначительно понизив голос, сообщала она...

Про этот самый густо-пенный лимонад «Крюшон» говорили, что он хмельной, и детям наливать воздерживались. А тут, гляди-ка, – можно!

– И мороженое с вареньем. И чай с конфетами «Белочка», и «Мишка на севере», и «Мишка косолапый»... – Много чего такого интересенького, застенчиво интимничая, обещала она.

Про основное блюдо мы и не спрашивали. В магазинах тогда было всё – икра, мясо, рыба по доступным ценам. И хотя нечасто перепадала та же икра, роскошествовали, бывало, и мы. Причём предпочтение отдавалось красной – она была так крупна, красива, зерниста! Точно смородина, аккуратно снятая с куста, тщательно очищенная от веточек и

соринок...

- Ну, а дальше?
- А дальше – Бал! То есть, танцы...
- Какие еще танцы? – ужасались мы с Коляном.
- Вокруг ёлки – успокаивала Лиля. Просто полька, хоровод вокруг ёлочки. Да вы не бойтесь, это же просто! Мама в два счёта научит...
- А потом?
- А потом – игры, загадки, викторины.
- Ну, это ладно, это сойдёт... А потом?
- А потом – загадочно улыбалась фея – потом лотерея с подарками...

Вот это да! – ухало сердце – что же это за дом? Что же это за подарки такие?

– А что, что? Назови хоть что-нибудь!..

И вот тут, в этом коронном пункте, царица была непреклонна:

- Доживёте – увидите. А то неинтересно.
- Ещё как интересно! Ты чо? Ну скажи, жалко тебе, да? – Ещё продолжали мы тянуть жилы, но, убеждаясь, что уста царицы немотствуют окончательно и бесповоротно, сдавались. И, жалковато отыгрываясь, сквалыжничали:

- А всем подарок достанется?
- Всем, конечно же, всем – милосердствовала Снегурочка – лотерея беспроеигрышная...
- А сколько гостей будет? А кого позовут? (кроме нас, естественно) – ревниво любопытствовали мы.

– А взрослые будут?

– Нет, взрослых не будет. Они соберутся в другой раз. Отдельно.

Ух ты! Отдельно взрослые, отдельно дети. У нас так всё в кучу, в один присест. Да ещё после обеда обязательно выпрут в другую комнату... Или на улицу...

– А кто из ребят будет?

– Из ребят?.. – Она задумчиво загибала пальцы – один, два, три...

Вот уже кончились пальцы одной руки... Вот уже загнут восьмой, девятый, десятый... Куда, куда столько? Как можно? Зачем? Неужели хватит подарков? – ужасался я молча,

а вслух лишь предательски выдавил:

– Нелька будет?

– И Неля будет. Мама сказала, в первый раз пригласим всех ребят, посмотрим, кто умеет себя вести прилично, а кто нет.

Вот это да! Это по-королевски.

...обидно, правда, что старались зазря, обхаживали принцессу впустую – позвали б и так. Но жалеть теперь поздно.

Да нам с Коляном, честно говоря, и жалеть-то было не о чем – игра в поддавки принята, негласно одобрена, и яблоко раздора, нежно подброшенное судьбой, с каждым днем становилось всё соблазнительнее, всё слаще, – наливаясь, созревая до своей окончательной полноты, до промысленного свыше исхода...

Свежо, празднично пахнуло мандаринами, вынутыми из буфета, остро запахло ёлкой, оттаявшей в чулане и уже с самого утра, покуда я досыпал, вставленной в крестовину, сооружённую из перевернутого табурета посреди комнаты.

Теперь предстояло нарядить её с тонким, вечно непредсказуемым выбором, с учетом зияний и выпуклостей кроны, её мутноватых, избыточных глубин; нарядить хрупкими шарами, витыми стеклянными сосульками, морозно облитыми звёздами, перевить канителью, пересыпать блёстками, увешать конфетами и грецкими орехами, звонко обёрнутыми в золотую и серебряную фольгу – в общем, свершить весь тот волшебный, радостно-хлопотливый обряд, который ожидался каждый год с таким нетерпением, с предвкушением чего-то неизмеримо большего, чем может дать любой, самый замечательный праздник на свете. Каждый год ожидалось Чудо.

И оно не совсем обманывало, нет...

Оно мерцало в какие-то забвенные доли минут, скрадывалось, и снова вспыхивало – вон там, над зажжённой свечой, внезапно озарившей медленный поворот стеклянного шара в густой тёмной хвое...

Оно проскальзывало в незнакомо-праздничной улыбке старых знакомых, весело и шумно отряхивающих снег у порога, в ласковом слове, в обещании...

Но уплывало, обязательно уплывало куда-то в долгую морозную ночь, таяло золотыми отблесками на стене, весело-приглушёнными голосами из соседней комнаты, где всё ещё длился взрослый праздник, а тебе оставалась лишь узкая полоска света, яркая щелочка в двери, да и та всё мутнела, дробилась, гасла...

И только мраморно мерцавшие слоники на комодке всё продолжали свой баснословный поход за счастьем, семь бессонных, от мала до велика, путников, крутолобо бодающих тьму. А из тьмы выходил и, сгустьясь над кроватью, окутывал мягкой паволокой Сон...

Наутро было уже не то. Чудо истончилось, иссякло, выдохлось. Оставалось доживать остатки праздника – колоть орехи, сосать конфеты, грызть семечки...

А потом, через недельку-другую, виновато расставаться с ёлкой, чей постыдно желтеющий костяк ещё долго, безмолвным укором, чуть ли не до самой весны будет дотлевать на задворках в жалкой кучке таких же горемычных предвестниц Чуда.

Оставалось перекладывать ватой игрушки, убирать в ящик, а потом снова ждать, целых двенадцать месяцев дожидаться Нового года...

И вот он вновь наступил.

Ну, уж в этот-то раз всё будет не так, как бывало: в этот раз нас позвали на Бал!

И Чудо не ускользнёт. Стоит только поосторожнее, повнимательнее выследить его...

Ёлка наша, домашняя, это, конечно, хорошо. Это просто замечательно.

Но как же медленно тянется день!

Двенадцать... Час... Два... Вот уже наряжена ёлка. Вот мы уже пообедали. Я слоняюсь по дому. Я сдерживаю себя.

Я не выхожу на улицу, где сейчас так интересно. Я лишь смотрю из окошка. Там пацаны подманивают чужого голубя. – Вот уже на снег, кружочком, рассыпали зёрна. Вот уже доверчивый чужой сизарь вместе с нашими дворовыми голубями, заманившими его с поднебесья, ходит по этому кругу, погуркивает, поклёвывает просо, не замечая того, что хитрый пацан тихонько подкрался, распахнул полушубок и, выбрав момент, – коршуном падает на него...

Молодчага!

Он накрыл его полою, зарылся в неё с головой, зарюхался в собственный полушубок. Нелепо елозя, покопошился в нём и, наконец, радостно крича, покатился по снегу с пойманным сизарём в руках!..

Ну, нет! Я с утра чисто вымыт, меня дожидается глаженная белая рубаша и чёрные – в диагональный рубчик – штаны. Мне нельзя кататься по снегу.

...дубовая дверь отворилась. Вот они, иллюминаторы. Они густо замазаны краской. Это подводное царство давно затонуло, нечего в него заглядывать попусту – так, видать, рассудил домуправ и однажды замазал оконца. Да и нет там ничего, кроме огромного никчемного подвала...

Как бы ни так!

Теперь это не подвал, теперь это чертог, сверкающий изумрудными, рубиновыми, золотыми огнями!..

– Заходите, заходите, мальчики, с Новым вас годом, с новым счастьем – приветствовала королева Виктория, – хотя счастье в ваши годы (она притворно вздохнула) это каждый ваш божий денёчек...

Она была великолепна в чёрном бархатном платье с открытой грудью, на которой полыхали переливчатые камни, нанизанные столь прозрачной нитью, что если б не золотой замок, порою взблескивавший на шее сзади при взмахе волнистых кудрей, было б загадкой, как они, при ходьбе перекашиваясь по высокой груди, не соскальзывают дальше, за чёрную каемку платья, в глубокий вырез, в неизвестную глубь...

– Алмазы! – Восхищённо шепнул Колян. Кудри, сиявшей лавиной спадавшие на плечи, были слегка скреплены на затылке круглой серебряной брошью-заколкой с голубым камнем в середине. Брошь, подсобрав волосы, точно просеивала их через себя, ровно распускала по плечам и спине...

Недоставало только короны.

А корона ждала. Она горела на серванте, поджидая своей владелицы.

Это была корона королевы Бала, которую предстояло избрать. Посреди огромной залы возвышалась ель. Не ёлка, а целая ель, упиравшаяся в высокий потолок серебряной звездой на макушке. Под елью в пуховых, ватных облаках стоял Дед-Мороз, чуть не с меня ростом – марлевый мешок с подарками на одной руке, а перевитый красной ленточкой посох – в другой. Румяный, седенький, лукаво-улыбчатый зимовик.

А рядом Снегурочка, девочка-снежинка в голубой белозвёздчатой короне. Недалеко от ёлки, ближе к стене, вытянулся раздвижной стол с накрахмаленной скатертью, уставленный приборами, бокалами, разноцветными графинами.

А в самом центре стола – серебряное ведёрко с ушками по бокам, где вместо бутыли шампанского во льду (как на знаменитой картинке в книге о вкусной и здоровой пище) горкой громоздились конфеты.

– Итак, все собрались, выбираем королеву Бала! – Громко, с лихостью заправского массовика воскликнула Виктория Александровна и захлопала в ладоши. Её поддержал, барственно

рукоплеща, в меру улыбчивый супруг, неизвестно откуда возникший и вдруг оказавшийся рядом со своей ненаглядной. Мы, оробевшие, молчали.

Как себя следует вести, что требуется предпринять в этом случае? Кричать ура, кажется, не к месту. Высунуться первым, схватить корону и поскорее напялить её на Лилю? (Что королевой бала выберут её, сомнений у меня не было) – Тоже выйдет не очень-то ловко.

Надо вести себя прилично – уговаривал я себя весь день. А вот как это – прилично?

Ну, вот хотя бы в данной, конкретной ситуации?

Тайный огонек, всколыхнувшись из тёмных глубин, занял и медленно зашатался в сердце, точно слегка подкачали его тяжкой, тягучей, чужой мне волей.

Первые сомнения-страхи закрались в меня: зачем я спустился сюда из дневного, ясного мира? Я ведь ничего такого не знаю, я могу запросто оконфузиться и, может быть, совсем не Чудо ожидает здесь, а одна глухая надсада?

Но надо крепиться. Надо выждать, продержаться ещё немного, и кто-нибудь не вынесет тишины, закричит, хлопает, и всё разрешится само собой...

И – закричали, и хлопали невпопад наши дворняжки, наша простодушная братия.

И Виктория Александровна сняла с серванта лучистую корону, вырезанную из плотной золотой фольги, и поднесла её к Лиле... Или к Вере... – Она вопрошающе, весело поглядывала на публику: кому, мол, больше подходит? И всё же остановилась на младшенькой.

Сразу стало легко и празднично. —

Выбор сделан, королева назначена, Бал продолжается. И хотя огонёк, так сосущее вспыхнувший в сердце, угас не совсем, на него теперь можно не обращать внимания, с ним уже можно жить, гром и сверканье Бала затмили его.

...мы приплясывали, неловко схватившись за руки, хороводили вокруг ёлки, пытались подпевать хозяйке хвалёную польку:

«Встаньте, дети, встаньте в круг,
Встаньте в круг, встаньте в круг,
Ты мой друг и я твой друг,
Старый верный друг...»

Мы отгадывали загадки. – Вера была здесь главная мастерица.

Играли в испорченный телефон, в жмурки. Руководила всем, конечно же, королева Бала – Лилия. Она могла, например, топнуть ножкой и закричать:

– Всё! Теперь – фанты.

И мы подчинялись.

Или:

– Мама, убери музыку, сейчас мультфильм по телевизору.

И мама послушно исполняла приказание – легко протанцевав через залу к патефону на тумбочке в углу, грациозно снимала пластинку, укладывала её в коробку с такими же тяжёленькими, глянцево-чёрными кругами, и шла включать телевизор.

Она была довольна всем – жизнью, праздником, дочерьми...

А то, что супруга её, куда-то незаметно удалившегося ещё в самом начале, постигли теперь неприятности по службе, казалось, и не занимало её вовсе – всё наладится, всё будет хорошо. Вот как сейчас. Ведь лучше и быть не может! – Говорила она всем своим видом, настроением. Лёгкая, светлая, замечательная женщина!

Такую и вправду минует любая беда.

Такой к лицу удача, роскошь, блеск!..

А вот с телевизором вышла заминка. Теперь вторая по счёту. Нужно было рассаживаться перед экраном, я замешкался. Стулья оказались заняты.

Уже прыгал по экрану большеротый лягушонок, перескакивал с кочки на кочку, с лопуха на лопух, о чём-то лопотал с одуванчиком, переквакивался человеческим языком с лягушатами – все уставились на экран, и я не нашел ничего лучше, чем протиснуться в первый ряд и просто сесть на полу, почти вплотную к телевизору.

Не успел я толком устроиться, как плечо мое тронула теплая рука, и приглушённый повелительный голос подземной богини заставил вскочить.

– Мальчик, так можно глаза испортить, слишком близко к экрану... Да и брючки помнёшь. Пойдем, я принесу тебе стул...

Это «мальчик» нехорошо отозвалось во мне – она ведь знает имя, она ведь так внимательно со мной познакомилась, долго смотрела в глаза, оглаживала курточку, и вот тебе на – «мальчик»!

Ну ладно, в комнате темно, наверное не разглядела – успокаивал я себя, но огонёк-то, огонёк, задремавший было в глубине сердца, тревожно вскинулся вновь.

Зрелище было смазано. Что мог я разглядеть, корчась на кончике стула, томясь и дожидаясь конца своего первого в жизни мультфильма? Ровным счётом ничего. Кто-то опять размеренно, тяжело подкачивал сосущий сердце огонёк.

«Зачем, зачем я попал сюда, меня здесь не любят, сюда больше не позовут, да и не пойду совсем! – Изводился я, сознавая, впрочем, несправедливость и зряшность обиды. – Вот дождусь раздачи подарков, посмотрю на них и уйду, даже за стол не сяду...»

Я лукавил сам с собой, а огонёк всё раскручивался тонким буравчиком, свербил, поклёвывал сердце. И только свет, наконец озаривший залу, приглушил его вновь.

– Теперь – прятки! – Закричала королева. И я не посмел уйти. Вот уж где представлялась возможность осмотреть таинственный подвал!..

Кому голить?

Конечно, могла назначить сама королева. Но она проявила великодушие, предложив сестре избрать голящего по считалке. Как это и водилось у нас.

Считалка была особенная. Не какая-нибудь там «Ехала машина тёмным лесом...», «На золотом крыльце сидели...», «Вышел месяц из тумана», а совсем другая.

Выстроив нас в кружок, Вера затараторила, отбивая пальцем ритм и тыча им на каждом слове в очередного из нас:

«Аш-тар-дар-ми,
Пики-пики-дар-ми,
У-у-ри-та-та,
Аш-тар-да!...» —

Выпало на меня. Хоть здесь повезло! Почему-то росла уверенность, что мы здесь в первый и в последний раз. Больше не позовут.

– Считалка иностранная? – Спросил кто-то из наших.

– Почему иностранная? Татарская – ответила Вера – подруга научила в старом доме... Она посомневалась и добавила зачем-то:

– Все равно, для прятков она действительно, здесь всё по-честному.

Ну, по-честному так по-честному. Я отвернулся к стене и закрыл глаза.

Досчитав до сорока, не спеша двинулся на осмотр...

Можно законно забрести в любой уголок, забраться в кладовку, в любую из комнат, и никто не погонит.

Та-ак... Вначале стоит пройти до конца коридора, чтобы определиться в размерах жилища. В доме четыре подъезда. Неужели подвал растянут чуть ли не на квартал?..

Я гадал, пробираясь в подzemелье, и вдруг, наткнувшись на глухую тёплую стену, сообразил – под домом ведь кочегарка, она занимает едва ли не половину здания!.. Что ж, пора сворачивать.

Шафы и вешалки не очень интересовали, хотя там наверняка кто-то прятался. Интересны были изгибы лабиринта, его рукава и зарукавья. Но, увы, все комнаты были заперты. И только из одной глуховато доносились взволнованные голоса.

Я тихо отворил дверь, замер в проёме, и сквозь сизоватый воздух разглядел чудную картинку: облокотясь на блестящий, манерно выгнутый чёрный буфет, сама вся в чёрном, раскрасневшаяся хозяйка держа на отлёте дымящуюся сигарету, что-то отрывисто выкрикивала через весь кабинет, уставленный книгами, мужу. Тот, съёжившись, запахнувшись пледом, возлежал в кресле-качалке у письменного стола. На столе одиноко сияла бутылка коньяка и узкогорлая рюмка. Коньяк был опорожнен наполовину.

– Тряпка!.. Ничтожество!.. – Было последнее, что я услышал. Сам хозяин, вдруг разглядев меня сквозь дым, с отвращением вздрогнул и резко изменился в лице. Из растерянного и виноватого мгновенно стал решительным, злобным.

– Кто такой?.. Вон отсюда! – загремел он, возносясь и поднимая себя до властных высот. А она, золотая Виктория, ещё более властно перебила злодея и вновь загнала его в куколь:

– Не смей орать на ребёнка, пугало чёртово!.. Он в гостях у твоих детей!..

Она загасила сигарету, оправила сбившуюся причёску, быстро подошла ко мне и повела в зал.

– Не обращай внимания, мальчик... Такое случается в жизни. Дядя болен, у него расстроены нервы. Это всё я виновата, забыла закрыть дверь... Но ведь и ты, маленький проказник, чересчур любопытен, не так ли? – она уже приходила в себя, пыталась настроиться на прежний тон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.